

Книги Александра Зайцева
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

А-ПРОГРЕССОР
МИРИАДЫ СВЕТЛЯЧКОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ
МИРИАДЫ
СВЕТЛЯЧКОВ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 793

Художник
С. Шикин

Зайцев А. А.

3-12   **Мириады светлячков: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1276-1

Ты принадлежишь к «золотой молодежи». Твой отец — глава самой могущественной спецслужбы на планете, одно из первых лиц самого крупного государства на Земле. Весь мир к твоим услугам. Любые желания, любые женщины и развлечения. Но тебя тошнит. Тошнит от подлиз и желающих выслужиться. От постоянного подхалимажа, от неискренних улыбок и фальши. У тебя нет друзей и не может быть никогда. А приятели — они пустышки. Такие же пустышки, как и ты сам. И только одно желание: чтобы все это прекратилось, желание жить обычной жизнью пилота. Летать...

И желание исполняется. Только вот плата за его реализацию непредставима...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1276-1

© Зайцев А. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Первый монитор: статистика, координаты, техсостояние — норма. Второй монитор: каналы связи, дублирующие системы, энергопотребление — порядок. Третий монитор: курс, скорость, характер поверхности, анализ движения — соответствие. А их еще девять. Скука. Да и рассматриваю мониторы от безысходности. Могу вообще сидеть с пустым взглядом, только это уже надоело за первые четыре часа смены. А спать, закрыть глаза или отвернуться — нельзя. Кругом не только камеры, даже весь комбез утыкан датчиками так, что, по сути, является единым центром контроля всего и вся — от пульса до движения зрачков. И ладно бы я был нужен тут. Так нет, вот, к примеру, рядом джойстик прямого контроля. И что? Даже если взбредет в мою буйную головушку что-то изменить лично, то не выйдет ничего, совсем. Всем управляет Земля.

А какое зычное название у блока, в котором нахожусь, — «Центр контроля беспилотными аппаратами». «Комната ЦКБА», так принято в официальном сокращении, или «цупа-кабра», как пошло гулять по станции с моей подачи. Сидишь, сопишь, взглядом по экранам бегаешь — наблюдаешь. Место ссылки неугодных или провинившихся. А так как я и то и другое, то сидеть тут все оставшиеся два дня, до обратного челнока. С перерывами на сон, конечно. Впрочем, будь это помещение безлюдным, на работе трех приписанных к станции автоматических луноходов это не сказалось бы никак. Разве случись какой сбой связи с ЦУПом, и то сперва эти машинки отработают вложенную программу и только потом активиру-

---

¹ «Светлячок» (англ.). — *Здесь и далее примеч. авт.*

ется доступ к прямому управлению. Но случись такое, меня сразу же заменят.

Сам виноват, знал же, к чему приведет вылитый в велотре-нажер гель. Конечно, знал, специально же сломал, только не думал, что так быстро узнают, кто это сделал. Казалось, мне удалось обмануть системы безопасности. Да и правда их обманул, вот только полковнику было все равно, что реальных доказательств нет, он и так прекрасно понимал, кто может со-творить подобное.

Да какая разница? Можно подумать, на моем предыдущем месте было веселее. Как же, гонять яйцеголовых, заставляя их заниматься по четыре предписанных часа каждый день в спортивном зале. Не-е-е, лучше я тут посижу. Нервам поспокойнее в цуакабре. Но вот что будет настолько скучно, никогда не думал. Регламент, будь он неладен, кто его только писал? Зачем в этой комнате постоянное присутствие человека, логически мне объяснить никто не смог. А я спрашивал в первый день ссылки сюда. То, что ответил капитан Терещенко, наш первый пилот, переводу на нематерный не поддавалось.

Ну и черт с этим, два дня всего осталось. Потом две недели реабилитационного курса и отпуск. Как раз успею к Славяну на днюху. Он вроде собирался ее отмечать в Гренландии, на семейной яхте под аккомпанемент обрушения ледника в море. Хороша идея. Если его батя, конечно, отдаст свою любимую игрушку — океанский катамаран, личную гордость. Хотя... конечно, отдаст. Дорогому сыночку-то. Не то что мой отец. Как вспомню его бешеный взгляд, так оторопь берет. А всего-то на борту один раз во время перегона на модернизацию вечеринку устроил. Ему-то что? Все было даже чинно, а заблеванные ковры — это же мелочь, их все равно менять собирались. Так нет, устроил разбор полетов со скандалом, да на глазах не только друзей, но и моделей конкурса «Мисс Европа». А ведь на одну из них я имел далекоидущие интересы. Ну не то чтобы далекоидущие намерения, но на недельку-другую точно. После того как всех участников полета продержали в безопасности два дня, разумеется, все планы пошли прахом.

А теперь что? Папенькины лизуны, как я называю всех усердно желающих ему понравиться, пристроили меня сюда. Как же! Четвертый экипаж первой лунной! Вот, Дмитрий Васильевич, смотрите, как ваш сыночек под нашим чутким ру-

ководством поживает. Всего два года после учебы, а уже на Луне! А меня кто-нибудь спросил? Нужно мне это было? Это их не интересует, главное — отметиться, лизнуть. Впрочем, и сам батя не сильно интересовался моим мнением, силком заставив в летное военное училище. Одарил, как он считает.

О! А это что-то любопытное! Видео, поступающее со второго луноходика, показывало уже не обычный серый пейзаж лунной поверхности. Металлические обломки, раскиданные по чаше небольшого кратера, исковерканные и покореженные части чего-то. Руки сами тянутся к управлению камерами внешнего обзора. Как же, так мне и дали порулить.

— Лейтенант Стрепетов! Немедленно прекратите! У нас все под контролем, вы только мешаете.

И тебе привет, Земля. С экрана дальней связи на меня осуждающе косится техник ЦУПа.

— Понял. Убираю шаловливые ручонки. — А что еще остается?

— Стрепетов! — орет динамик внутренней связи. — Еще один неуставной ответ и полетишь обратно в грузовом трюме. — Напугал, ага, кто ж тебе позволит подобное самоуправство, полковник. А вот так ехидно скалиться — это было лишнее с моей стороны. То, что я его не вижу, не говорит о том, что он не видит меня. — А до отлета будешь питаться только вареной брокколи! — Вот это уже серьезно! Знает мое больное место и как ненавижу брокколи.

— Так точно! Понял, господин полковник!

Перед отключением связи успеваю услышать удар кулаком по переборке. «Господин» — недавно принятое как уставное, но так бесящее командира станции обращение.

Руками шалить запретили, но наблюдать-то — моя непосредственная обязанность. Медленно, неуверенно, усыпанная кучей датчиков машина начинает двигаться по кругу, ощупывая обломки с расстояния всеми возможными способами. Неужели след чужих? Но не очень я верю в байки об инопланетянах. Существой они где-то рядом, мы бы уже заметили давно. А если они сами не хотят контакта, то и технологии у них соответственно иные. Разбросанный же по лунному песку металл выглядел вполне обычно. Вон даже цветные проводки оборванной проводки торчат из одного куска. Вау! А это что блеснуло? Но любопытству пришлось ждать пятнадцать ми-

нут. Пока оператор ЦУПа не навел камеры на блестячку. Пустышка, отличить элемент солнечной батареи, пусть даже изрядно побитый, легко. Верю ли я в чужих, использующих обычные элементы — сегментированные ячейки для обеспечения своих нужд энергией? Конечно нет, значит, там валяется космический мусор, когда-то упавший на Луну. Не очень частыми бывают такие находки, это вроде всего пятая, но ничего экстраординарного. Сейчас техники будут собирать и анализировать поступающий видеоряд, результаты спектрального анализа и тому подобное. А я, пожалуй, погадаю, чей спутник прилунился так неудачно, благо имеется огромное количество вариантов, а символики и отличительных знаков пока не видно.

От зевоты вот-вот сведет скулы. Дали бы мне управление, и не катался бы луноход уже шестой круг, оставляя характерный след ребристого протектора. Сразу, конечно, не повел бы машину в кратер. Но после второго круга обязательно. Толку от этой езды — даже мне видно, что последние четыре круга были лишними, и вся информация, поступившая с них, только дублирует ранее полученную.

— Вызывает лейтенант Стрепетов, дежурный по ЦКБА. — Ладонь опускается на кнопку активации дальней связи. — При спуске в кратер возможны помехи. Разрешите взять контроль над ЛПАМ-07БМ?¹ — Сколько там задержки временной? Туда — обратно, секунд шесть вроде, с учетом декодирования. Разумнее выдавать сразу пакет информации, нежели ждать ответа на каждую фразу.

— Над станцией висит ретрансляционный спутник связи. Прием уверенный. В перехвате управления отказано. Запрос записан и отказ задокументирован. — Официальное обращение, как это коробит. Но техник все же не военный. — Отдыхай, пилот. Но будь на месте, вдруг понадобится.

Ску-у-ука. Но спасибо Сергеичу, хоть дал малую надежду. Вообще люблю, когда он дежурит. Нормальный мужик старой закалки, понимает, когда на правила можно и наплевать. В отличие от новой поросли, боящейся в туалет сходить без подписанного начальством разрешения.

Жаль, не получилось. Теперь получу нагоняй, ни за что не

---

¹ Л П А М — лунный полуавтоматический модуль; Б М — базовый модернизированный.

поверит Терещенко, мой непосредственный шеф, что я забыл о ретрансляторе. Достанется по первое число за дискредитацию пилотов станции своим якобы невежеством. Дернуло же найти такое нелепое оправдание своему желанию хоть чем-то заняться, надо было придумать что-то более правдоподобное, но теперь поздно.

Электронное табло отсчитывает секунды, которые тянутся как вязкое желе. До конца смены еще полчаса, а модуль просто стоит на месте, не решаясь спуститься. Может, зыбкая поверхность в этом месте? Смотрю на данные спектрографа — нет, все нормально. Что-то их там на матушке Земле заклинило основательно. Возможно, это как-то связано со скандальным законопроектом ООН? В котором сказано, что каждый найденный на Луне разбившийся спутник принадлежит стране-изготовителю. А обломки, найденные ноль седьмым, по всем параметрам не наши. Китай или Япония с Индонезией скорее всего. С французами и американцами у нас есть двусторонние договоренности, отменяющие это положение. Пять лет назад их база обнаружила первый, еще советский луноход, несколько десятилетий простоявший на склоне невзрачного обрыва. Они передали его нам, теперь он красуется в Королеве на одной из площадей, накрытый прозрачным куполом из пуленепробиваемого стекла. Сейчас, наверное, ЦУП связывается с аналогичным центром на востоке для выяснения дальнейших действий.

— Лейтенант. — Никак не привыкну — из-за низкой силы тяжести шаги на станции не слышны. Подошедший со спины Давыдов, старший техник базы, своими словами заставил вздрогнуть от неожиданности. — Я вас сменяю, можете идти.

Коротко кивнув, покидаю свое кресло. Вообще-то мне следовало отчитаться о своей смене, но я с ним не разговариваю. Из принципа. Бесит он меня, весь из себя такой правильный, честный... Тьфу... Да и он меня не любит, хотя надо быть честным, меня тут не любит никто. Но я давно уже привык к таким взглядам, когда смотрят как на ничтожество, занимающее место не по праву. Даже не пытался никому объяснить, что место это мне и даром не сдалось. Эти фанатики космоса в такое не поверят.

Сейчас мне положено идти в тренажерный зал, и, хотя жутко хочется спать, лучше последовать предписанному распо-

рядку. Медики, которые его составляли, настоящие профи, знающие свое дело. Тут хоть и не невесомость, но организм следует загружать, иначе он пойдет вразнос, и намного быстрее, чем считает простой обыватель. Я жутко ленив по своей природе, но как говорят мои приятели, это странная лень, деятельная какая-то. Не понимают, что забота о здоровье — это и есть лень: час, затраченный на профилактику и спорт, в дальнейшем экономит сутки жизни.

Испорченный мной единственный велотренажер до сих пор был не разобран, так и стоит на своем месте, отмеченный бирочкой «Неисправен». И то хорошо, бесит это кручение педалей. От беговой дорожки пользы намного больше. Переодевшись в спортивный комбинезон с утяжелителями, зафиксировал крепежные ремни безопасности. Совсем не лишняя деталь, с непривычки пара научных как-то разбила свои умные головы, слетев с движущегося полотна тренажера.

Что бы выбрать на сегодня? Нажатием клавиши «листаю» список тем. Вот это, пожалуй, самое то, под настроение! Осень в Павловском саду. А музыку? Не люблю, когда видеоряд совпадает с мелодией. Взгляд цепляется за строчку, которую раньше никогда не видел. Да и не должно быть этого фрагмента классики в компьютере станции. Читал случайно отчет психологов, рекомендовавших исключить именно это произведение. Что-то вроде того, что оно может негативно повлиять на психику при частом прослушивании в замкнутом коллективе. Может резон в этом и есть, но мне фиолетово — за свои мозги вполне спокоен.

При достаточной фантазии легко вообразить себя бегущим по усыпанному разноцветными листьями тропам. Стереочки дают максимально близкий эффект присутствия из возможных при нынешней технике. До фантастической виртуальности, которую нам обещают из года в год и которая все еще «вот-вот уже почти», наверное, весьма далеко. Без воображения вы так и будете пялиться на изображение и переставлять ноги на одном месте. Я же «бежал» по парку, и во всем теле отдавался ритм струившейся из наушников мелодии — вагнеровского «Полета валькирий».

Захотелось вновь сжать в ладонях штурвал и заложить «полубочку» на бреющем полете. Как на меня матерился на исковерканном русском главный конструктор после подобного

трюка! Мол, неоправданный риск, машина еще не оборудована полноценным АБУПом¹ для таких маневров. Но когда эта новейшая система будет полностью настроена, то все пилоты превратятся в простых наблюдателей. И столь оберегаемый проект Т-120 (или, иначе, прототип истребителя шестого поколения) окажется финальным аккордом для пилотируемых полетов. Человек будет даже не придатком компьютера, а ненужной частью, оставленной как дань традиции, не более. И канет в Лету моя мечта. Хотя был и запасной вариант в виде недавно купленного и тщательно реставрируемого Як-3. Уйду из армии и буду летать на нем.

Пожалуй, то небольшое, за что я благодарен отцу, — я участвовал в полетах тест-команды Т-120. Остальные пилоты были минимум в два раза старше. И если бы не его связи, никогда мне не попасть в их число. Самые счастливые полгода моей жизни, оборванные нелепым назначением на лунную базу, будь она неладна!

— Дмитрич. — Характерный акцент, как и желание подстроиться под неформальность общения, делал из Генриха настоящего шута. О чем я постоянно ему напоминал. Чистокровный немец, он выглядел безмерно глупо, пытаюсь называть всех по отчеству. — Я только что от герра полковника. Он просил тебя зайти через полчаса.

— Генрих, со мной можно говорить по-немецки, ты не забыл? — Вытащив один наушник, снижаю скорость дорожки на шаг.

— Никак нет! — Доведет он меня до истерики когда-нибудь. — Я не забыть! Но сейчас у станции русский начальник. Это есть вежливо — говорить на языке шефа. — А по мне, без разницы, ведь два языка имеют одинаковый статус. Мы уже девять лет как одно государство. Сбывшийся кошмар англосаксов — Русско-Германская Федеративная Республика.

— Хорошо, ты меня предупредил. Спасибо. — Чего он ждет? Стоит и голубыми глазницами хлопает. Его бы с сестрой познакомить, та всегда особо благоволила к белокурым бестиям. — Генрих, иди по своим делам, а? Я тут музыку слушаю. — Демонстративно вставляю наушник обратно и переключаюсь

---

¹ А Б У П — автоматический блок управления пилотажем.

в режим бега. Ариец, видимо, пытается что-то сказать, но, видя мой полный игнор, следует совету и уходит.

Чего он от меня хотел, я примерно представлял. Но помогать ему решать разногласия с его начальством через своего отца не хотел. Да, понимаю, он пилот от Бога, лучший из всех, кого я видел. И нелепое снятие его с проекта полета к Иво — не более чем интриги. Но мне-то дело какое? Он мне не друг и не товарищ. Да, было дело, жизнь спас, когда после прыжка у меня не раскрылся парашют. Умудрился же меня догнать в затяжном прыжке и сцепиться, приземлив двоих под одним куполом. Надо будет так же прыгнуть, сделаю это, не раздумывая ни секунды. Но разговаривать с отцом — ни-ко-гда.

Звучат финальные аккорды Вагнера. Обидно, почти получилось «взлететь», конечно, только в фантазии. Место четвертого пилота станции надежно отсекало меня от любого штурвала. Пятое колесо в здешней телеге — вот кто я. Пора было идти на разнос к начальству. А то, что полковник Смолов вызывает меня для «пропесочивания», не сомневаюсь.

— Лейтенант Стрепетов прибыл. — Входная дверь личного кабинета начстанции плавно и бесшумно исчезает в переборке.

— Входите, лейтенант.

Когда смотришь на полковника, всегда всплывает ассоциация с морем. Что-то есть в его личности, что делает его похожим на капитана корабля, бороздящего океанский простор. Белоснежный китель ВМС смотрелся бы на нем гораздо уместнее черно-синей формы КФФ¹. Может обветренное лицо и несмываемый загар, так отличный от того, что можно получить под искусственными лампами местного солярия, делали сходство с морским капитаном столь разительным?

— Проходи, садись. Смотри. — Он демонстративно разворачивает ко мне монитор и активирует одну из команд. — Понимаешь, что я сделал?

— Так точно! Отключили все системы наблюдения и записи в этом кабинете. — Точнее, он так думает, что отключил. Но, зная своего отца, могу точно сказать, этим самым он только привлек еще большее внимание дублирующих скрытых систем.

— Именно. Это неформальный разговор.

---

¹ КФФ — Космический флот Федерации.

Начинается... Уважаю Смолова, он из тех, кому плевать на то, чей я сын. Для него работа важнее всего. Но сколько неприятностей это мне преподносит!

— Я понять, герр полковник. — Пародирование немецкого акцента — моя коронная фишка.

— Я давно отчаялся понять! — Ну зачем так багроветь? Нервы нужно беречь. — Как у такого великого человека, как твой отец... — А вот этого не надо! За свою жизнь я слышал подобное миллион раз! — ...может быть такой сын?! Зачем ты опозорил Терещенко? Руки зачесались?

— Вам бы психоаналитиком работать, герр полковник. Очереди были бы!

А не пойти ли ему по всем известному адресу? Прекрасно же знает о моем нежелании вообще тут находиться, не только в этом кабинете, а вообще на Луне.

— Отвечать на вопрос!

Н-дя, видимо, я его чем-то довел до ручки. Кричать-то совсем необязательно.

— Никак нет, не зачесались! Забыл про спутник связи. — Меня еще никто не поймал на прямом вранье начиная с моих пятнадцати лет. Поневоле научишься лгать так, что комар носа не подточит, когда за тобой с яслей следят десятки камер и отборная группа специалистов по анализу поведения.

— Тебя в плен если возьмут, умрешь героем. — Молодец полковник, держит себя в руках. — Ни один секрет не сболтнешь! И не потому, что стойкий, а потому, что не знаешь ни-че-го!

— Так точно, герр полковник. Умру героем, не посрамив отцовского имени!

Ха три раза. Тебя, конечно, готовили читать лица. Ну и что видишь?

— У тебя в деле пометка для психологов — игнорировать невербальные сигналы. — Это когда успели внести такую поправку? — Так что не пудри мне мозги. Но я тебя вызвал по другому поводу.

Это понимать как «разнос окончен»?

— Слушаю.

Наверно предложит запереться на два дня в каюте и не высовывать носа.

— Ты же не желаешь топтать грунт?

Выходить на поверхность? Конечно, не хочу! Тот, кто хоть

раз мерил тяжелый скафандр, от подобных желаний сразу избавляется. Если, конечно, не фанат внеземелья.

— По возможности рад был бы избежать такой участи.

— А у меня разрядка. Обеспечить тебе в личном деле галочку «участвовал в работах вне станции».

Ну екарный бабай, опять лизуны. И сюда добрались со своим подхалимажем.

— Так поставьте эту галочку, а я потом подтвержу, что выход был.

Сегодня полуфинал чемпионата мира по регби. Не хочется пропустить из-за такой нелепости.

— Значит, так, а теперь серьезно. Мне абсолютно плевать на твои желания. Ты меня понял? — Киваю, вот черт, он серьезен. — Надо будет, прикажу связать и на тачке катать вокруг станции. Понял?!

— Так точно...

«Герр полковник» лучше пропустить, он явно на грани, и за ним не заржавеет исполнить угрозу.

— Так вот. Обломки, замеченные ноль седьмым во время твоего дежурства, идентифицированы. Это части японского спутника двенадцатого года. — Рухлядь, чем она интересна? — На нас вышли представители фирмы-разработчика. Просят доставить обломки на Землю.

— Зачем им это?

— Не нашего с тобой ума дело. Но, видимо, сумма, предложенная за эту «услугу», впечатляет. У меня приказ доставить эти запчасти на базу. Туда направится трак¹ с техниками, вести его будет Терещенко.

— В грузчики записать хотите?

— Хочу с тобой договориться полюбовно. — Неожиданный ход. — По одному из пунктов инструкции в таком случае возможна посылка двух траков. Ты поведешь запасной, без персонала. Согласен?

— Я проходил подготовку, справлюсь. — Это будет поинтереснее полуфинала.

— Через два часа машины будут готовы. Можешь идти, больше не задерживаю.

— Хорошего вечера, полковник.

---

¹ Т р а к — управляемый лунный модуль повышенной вместимости.

— Спасибо от тебя я не дождусь? — Он и правда считает, что оказывает услугу, смешной.

— Сегодня матч Австралия — Новая Зеландия. — Напускное страдание попадает в цель.

— Ну ты и расп...! Вон отсюда! — Скрывая готовый прорваться наружу хохот, я поспешно удаляюсь.

У меня как раз есть время принять душ и даже вздремнуть полчаса. Больше всего на этой станции раздражает постоянная экономия воды. Чтобы постоять под падающими из-под потолка струями, надо записываться за несколько часов. Но предстоящий выход на поверхность автоматически дает право плюнуть на всех записанных перед тобой и пойти первым. Не воспользоваться этим шансом глупо...

— Вам удобно? — Русский этого немца намного лучше, чем у Генриха.

— Минх, ты правда считаешь, что в этом вообще может быть удобно кому-либо?

На Земле скафандр, в который я облачен, весил бы около сорока кило. Тут, конечно, намного меньше, но чувствовать себя как неповоротливая улитка в чужом панцире неприятно.

— Конечно! Это же последняя модель, его эргономика совершенна!

Тыфу, ну кому я объясняю? Для техника он и правда удобен. Но управлять траком в этих перчатках будет мучением.

— Все хорошо, Минх, мне удобно. Спасибо за заботу.

Юмора он все равно не поймет, характер такой, пусть занимается другими делами.

Теперь пришел черед тестирования. Несколькоими кабелями мое облачение подключили к компу и начали прогонять различные режимы встроенного оборудования. Закрыв глаза, чтобы не видеть мелькающие в бешеном хороводе командные строки по дисплею лицевого щитка. Надо же, у меня получилось заснуть стоя — такого не случалось со времен учебки. В сознание меня привел стук по «забралу».

— Капитан Терещенко, лейтенант Стрепетов готов. Все оборудование работает в штатном режиме.

Формализм — лучший способ скрыть, что ты спал.

— Слушай меня, чудило! — Шепот капитана намекает на его, мягко говоря, недовольство мной. — Едешь след в след, повторяешь все маневры. Дистанция двести метров. До цели

сто двадцать кэмэ. Если выкинешь какой фортель, я тебя закопаю. Надеюсь, я доходчиво изложил?

— Очень сумбурно, как всегда. — Его кулаки в этих перчатках смотрятся просто гигантскими. — Но я тебя понял.

— Таких, как ты, надо было воспитывать розгами, тогда был бы толк! А не этими новомодными приблудами детских психиатров.

Возможно, он и прав, но невероятно жесток ко всем, а главное, к самому себе. Мой отец, увы, проявлял безмерную слабость по отношению к сыну.

— Не психиатров, а психологов. Это раз. — Неужели не понимает, это же две разные профессии. — И в первом чтении две недели назад прошел законопроект «О физическом воздействии». В качестве эксперимента выбраны три площадки: Суворовское, Нахимовское и Первое Берлинское училища. Это два. Так что твои мечты, возможно, скоро сбудутся.

— Они опоздали на десять лет — тебя уже не исправить. Все, закончили, пора. — И, включая связь, обращается к техникам, которые должны ехать с нами.

Топ-топ-топ — приглушенно бухают по металлу ангара тяжелые ботинки скафандров. Ну и мне пора занять свое место. Шлюз, декомпрессия, вперед. Траки — сумасшедшая конструкция, у них открытый корпус, только металлические дуги защищают от возможной аварии. Закрытого корпуса нет. Место водителя, или, как принято называть у нас, пилота, находится прямо над первой осью, а всего этих осей три. Удивительно проходима машина. Способная к тому же с разгона прыгать метров на десять, разумеется только на Луне.

Ремней безопасности, привычных земным водителям, тут нет. Скафандр напрямую крепится к спинке водительского кресла, в нем есть специальные зажимы. На траках нет даже вынесенных консолей, мониторов и прочих датчиков, вся информация передается прямо на «забрало» пилота, только два джойстика управления вынесены на подлокотники кресел. Когда человек видит эту конструкцию первый раз, то ему кажется, что это обман и перед глазами не лунная машина, а изрядно увеличенный плод сборки детского конструктора.

Хорошо, что мой трак, синий два, тестировал Генрих. У нас очень схожее телосложение, и дополнительная подгонка не требуется. Запускаю тесты. Конечно, техника проверена не

раз, но привычка, как говорят, вторая натура. Электрика... — в норме, энергетика... — аккумуляторы полны, ходовая...

— Стрепетов! Опять спишь?! — Черт, синий один уже выезжает с территории базы.

— Никак нет, тестирую!

— Отставить тесты. Пристраивайся в хвост.

— Но...

— Выполнять!

И не поспоришь. Отключаю тест и аккуратно даю тягу на переднюю ось. Первый двигается со скоростью не выше десяти километров в час. Нагнать и занять предписанную дистанцию успеваю. Сколько ахов и охов я слышал от других: «лунный пейзаж, лунный пейзаж», «ах, какая красота»... По мне, так унылая серость, разнообразие вносят только диск Земли да «миллиарды» рассыпанных по небу звезд. Это красиво, да. Но сейчас приходится смотреть на скучную серую поверхность.

— Прием, синий один — синему два. На удалении километра от базы увеличиваем ход до сорока км/ч.

— Синий два — синему один. Приказ принят.

С такой скоростью я не успею посмотреть матч, но Терещенко рисковать людьми не будет, разгоняясь сильнее.

Плавный ход сменяется тряской, стоит увеличить скорость. Тут, увы, не автострада Москва — Берлин, а поверхность иной планеты, «облагораживать» которую пока никто не собирается. Руки постепенно привыкают к управлению, и есть время оглядеться...

— Синий два, это синий один. Прием. — Оживает динамика, когда мы уже находимся на полпути к цели.

— Прием. Тут я. — Это ближняя связь, необязательно соблюдать военную субординацию.

— Тут он, шутник, на мою голову. — Ничего, потерпи, осталось меньше двух суток меня терпеть. — Слушай приказ. Выполнять мои маневры в точности. Как понял?

— Понял отлично. Есть выполнять все маневры ведущего. — Что он задумал?

Головной трак резко ускоряется, отклоняясь от проложенного маршрута. Это еще что за изменения? Но думать некогда. Все внимание на поверхность и «газ в пол». Индикатор скорости на «забрале» отсчитывает шестьдесят пять километров в час. Предел для трака. От, ё-о-о-о, предел-то в штатном режи-

ме! Терещенко же включает форсаж на синем один, резко уходя в отрыв. Гонки по Луне? Он что, хочет напугать меня, бывшего стритрейсера?¹ Кукиш. «Вы уверены, что хотите активировать форсаж? Да/Нет». «Да». Все двенадцать колес врываются в грунт, толкая машину вперед.

Что он творит?! У него же люди в кузове! Головной трак «взлетает» на природном «трамплине» мелкого кратера, чтобы через несколько секунд грузно опуститься на противоположном склоне и продолжить движение, не снижая скорости. Вот чудак, зачем так выпендриваться передо мной? Или это приказ утереть нос сопляку, то есть мне? Моя машина легче, в ней нет пассажиров. Без тени сомнений вжимаю активацию реактивных ускорителей. У-у-у-ух-х-х! Классное ощущение, когда колеса отрываются от поверхности! Но трак неожиданно теряет остойчивость и начинает в полете клевать носом. Е! Проверка балансировки идет после ходовой, и провести ее я не успел. Теперь придется расхлебывать. Единственное, что успеваю, — подать тягу на находящиеся под креслом пилота ускорители.

Трак должен удариться о Луну передней осью и всей своей массой, но там огромный запас прочности, волноваться не о чем. Потом останется только сбросить скорость и выровнять машину. Однако как только колеса врезаются в грунт, по ступням проходит не только удар, но и вибрация, а затем раздается хруст. Трак встает на попа и несколько раз переворачивается в полете. Хорошо, что прилуняется удачно, на колеса.

— Синий два! Синий два! — Меня уже полминуты вызывает Терещенко, но в голове шумит, а по лбу течет что-то густое. Кровь, не иначе. Надо благодарить конструкторов, придумавших надежное крепление пилота к креслу. Не будь его, лететь мне метров сто, а потом пропахать носом Луну.

— Синий два на связи. У меня авария.

— Стрепетов, ты цел? — В голосе неподдельное участие.

Окидываю взглядом результаты меддиагностики.

— Цел, капитан, цел. Максимум ссадина на лбу и легкое сотрясение.

— Хорошо. Что с траком?

— С траком п...ц. — Понимаю, что идет запись, но меня всего трясет.

---

¹ Ст р и т р е й с е р — любитель уличных гонок на автомобилях.

— Насколько я понял, далее двигаться самостоятельно ты не сможешь?

Не ожидал, что он не обратит внимания на мое выражение.

— Трак сильно поврежден, нужен буксир.

— Сам угробил машину, сам и докладывай на базу. А я поехал дальше. — Что за хрень?! Так просто меня тут оставить?

— Синий один, это синий два. Прошу взять меня на борт.

— Отказано тебе, Стрепетов, отказано. Проси станцию о помощи! — Куда подевалось недавнее сочувствие? Терещенко явно зубоскалит и потешается. Скотина.

— Я напишу рапорт!

— Твоей жизни ничто не угрожает. Жизнеобеспечения хватит на сутки. Рапорт отклонен. Кукуй тут, лейтенант. И освободи частоту. Это приказ.

— Есть освободить частоту. — Откуда столько ненависти?

Хорошо что застежки, скрепляющие скафандр и трак в одно целое, не повреждены и с коротким щелчком выпускают меня на волю. Надо осмотреть повреждения машины перед докладом на станцию. Н-да... Передняя ось сломана на три части. Как такое возможно? У них же должен быть пятикратный запас прочности! Именно из-за этой поломки я и не включаю передатчик дальней связи.

— Лейтенант, мы слышим вас. — Уф, хорошо, что сейчас дежурит Саныч, пожалуй, единственный на всей базе, кто относится ко мне нормально. Мы с ним почти подружились на основе общего увлечения регби.

— Трак попал в аварию. Включаю передачу телеметрии.

— Об аварии мы в курсе. Синий один доложил. Рад, что ты не пострадал. — Спасибо тебе, Саныч. Забота — как раз то, что мне сейчас надо. — Есть, пошла телеметрия, принимаю.

— Как там, полкан в ярости?

— Я тебе покажу полкан! — Вашу ж да через плечо. У меня явно тряхануло мозги. Конечно, Смоллов слушает мою передачу. — Вернешься, молись, чтобы трак можно было восстановить. Лихач, выпендриться решил. Те два дня, что тебе тут остались, я превращу в твой личный ад!

— Но, полковник, я только следовал приказам капитана Терещенко...

— Отставить пререкания! Слушай приказ. Ждать возвра-

щения синего один и по возможности притащить разбитый тобой трак на базу.

— Приказ принят.

— Отбой. — Жду пару минут.

— Саныч, ты еще на связи?

— Да, Димыч.

— Слушай, а составы на матч уже известны? Ругер выйдет на поле?

— Что!!! — Даже с такого расстояния меня перетряхивает от рева полковника. Я-то думал, что он ушел из блока связистов. — Ты, шут гороховый, совсем обнаглел?! Решил, если отец глава департамента безопасности Федерации, то все тебе позволено? Григорян, отключите лейтенанта Стрепетова от связи!

— Но полковник, он там один... — Саныч пытается за меня заступиться. Молодец!

— Отключить, я сказал! Оставить только передачу по техканалу. Исполнять!

— Извини, Димыч... — Горький шепот — последнее, что слышу. Индикатор связи гаснет.

Самое грустное, винить-то, кроме себя, некого. Сам всех настроил против себя. Слишком выпячивал нежелание находиться на Луне. А ведь на мое место на этой базе очередь до горизонта, у многих есть друзья, желающие сюда попасть, ы-х-х-х. Как там говорил батя: «Запомни, ты не пуп земли!» Очередной урок в жизни, который ничего не изменит. «Не можешь учиться на чужих ошибках, учись на своих». Беда в том, что и этого таланта я лишен. Ошибки, синяки, удары судьбы не учат меня ни-че-му, таким, наверное, уродился.

Так что же на самом деле случилось с передней осью? Анализ систем после аварии показал — подобный удар не мог привести к разрушению, ось должна была выдержать. Значит, мои выводы были верны. Визуальный осмотр ничего не показал — следов преднамеренного вмешательства не нашлось.

Эх, Дмитрий Васильевич, воспитал ты из сына параноика. Первое, что пришло в голову, — меня пытались убить, очередное покушение. Но подобная мысль не выдерживала никакой критики. Во-первых, слишком сложно. Во-вторых, не гарантирует успеха. Есть еще и в-десятых, но хватит и первых двух — так не покушаются.

Но то, что меня подставили, это факт. Неожиданная «добродота» полковника и попытка договориться. Как он мог вообще мне доверить управление траком при его ко мне отношении? Потом неожиданное поведение Терещенко, его бешеная езда. Нет, жизнями находящихся в траке он не рисковал. При полной исправности машины пилот его уровня не рискует ничем, абсолютно. Компьютерный анализ, конечно, покажет какой-то процент возможной катастрофы, но реально гарантия полная. Но зачем он это вообще делал? Вопрос: знал ли капитан, к чему приведут его маневры? Или его использовали втемную?

Авария случилась потому, что я не знал о состоянии ходовой и «развесовки» машины. А не знал по причине того, что данные, полученные от техников, говорили «все в норме», свое же тестирование провести не успел. И прервал меня в этом не кто иной, как Терещенко, чрезмерно быстро покинувший станцию. Девять из десяти — капитан прекрасно знал, почему он так делает.

Но убивать меня никто не желал. Неподдельным был испуг синего один, когда он вызывал меня после аварии. Провести бы сейчас компмоделирование этой ситуации! Но логика подсказывает: моей жизни ничто не угрожало, полученная ссадина — максимальное из возможных повреждений. Но зачем все это, вот вопрос так вопрос. Такая сложная комбинация явно не для того, чтобы насладиться унижением моей скромной персоны. Смоллов — человек разумный и не пошел бы на поводу своей неприязни по такой мелкой причине. Тут что-то другое.

Что знаю точно? Один факт — трак, которым я управлял, был неисправен. Причем не мелкий дефект, а что-то было не в порядке с материалом передней оси. Заводской брак, не иначе. Прибыл этот трак на базу на том же челноке, что и я. Получается, он был принят на станции, и, скорее всего, кто-то из техников поставил галочку «все в порядке», проведя только поверхностный осмотр. А полковник подписал акт приемки не глядя.

Халатность, не более. Но сейчас простая халатность расценивается даже хуже, чем саботаж. Армия и прочие структуры сильно меняются в последнее время. По мне, так в лучшую

сторону, всеобщее разгильдяйство достало даже такого раздолбая, как я.

Следующим начбазы через три месяца станет немец, а их скрупулезность и дотошность не зря вошла в поговорки. И ошибка с траком всплыла бы наружу. И господин полковник наряду с главным техником получил бы жирную черную кляксу в личном деле. Не говоря уже о заводе-изготовителе и персонале на Земле, ответственных за техническое состояние лунных машин. Лунная база, передовой проект объединения, знамя Федерации и главная гордость. Из-за такой мелочи, как неисправная ось, полетели бы многие головы.

И тут подворачивается идеальный кандидат-раззява, на которого можно все это списать, то есть я. Лучше не придумать. Сыночек САМОГО, ему все равно ничего за это не будет, да и определенную известность своим лихачеством заслужил по праву. Скорее всего, даже отметку в личном деле не поставят. Наверняка, когда сцепят траки для буксировки, «потребуется» снять ось и бросить тут, почти в ста километрах от базы. И дело закрыто. Трак поврежден из-за недостаточной квалификации пилота. Пилота, которому все равно начхать на различные черные метки. Ну напишу я рапорт, что это изменит? Терещенко легко «отмажется», придумает мотивацию своим действиям, а скорее уже все продумано. Данные будут немного изменены, единственным виноватым во всей истории останусь только я. Одно только слабое место у всей истории: а вдруг пожалуюсь папеньке? Но полковник изучал мое личное дело, причем там был даже психологический «портрет» личности. Получается, Смоллов прекрасно знал — к отцу я ни за что не обращусь. А по прибытии на станцию меня точно запрут в каюте на оставшееся до прилета челнока время, и «дело закрыто».

Через час изучения последствий аварии безбожно заскучал. И почему я не фанат Луны? Она вызывает у меня исключительно позывы к зевоте. Пойти погулять, что ли? Камеры, установленные на траке, разбиты, а даже если они работают, кому какое дело, чем я тут занят? До приезда синего один предоставлен самому себе.

Ох, мурашки по спине. А ведь если подумать, это, наверное, первый случай за всю жизнь, когда я по-настоящему один! На Земле всегда под колпаком служб, на лунной базе все под этим колпаком. Это что за странное чувство? Как ни горь-

ко признаваться, но мне страшно от этого одиночества. Не от вземелья, а оттого, что один. Я, который, падая с нераскрытым парашютом и считая, что уже труп, не боялся, сейчас трясусь крупной дрожью испуга.

— Саныч! База! Капитан Терещенко! — Не реагируют индикаторы связи. — Да отзовитесь хоть кто-нибудь!

Тишина... она обступает и душит. Надо срочно себя чем-нибудь занять, отвлечь. Ходьба по кругу не принесла желаемого результата, не отвлекает как-то.

— Вашу мать! Поговорите со мной! — Неужели и правда мой передатчик заблокирован? — База, база! Вижу инопланетный корабль! Тут НЛО!

Тьфу, раз на такое не ответили, то точно заблокирован полностью. Конечно, ничего я не вижу, кроме песка и холмистой лунной поверхности, нагло вру, только бы услышать ответ. Синий один вернется не раньше чем через три часа. Да я с катушек слечу за это время. Успокоительное, в аптечке скафандра должно быть успокоительное! Листаем каталог, быстрее, еще быстрее. У меня что, клаустрофобия развивается? Похоже на то, жутко не хватает воздуха, но индикаторы показывают норму. Да и все в норме на самом деле, это шалит разум. Димыч, возьми себя в руки! Вот! Нашел успокоительное, код восемнадцать дробь два. «Точно хотите ввести данный препарат? Да/Нет?» Конечно же да! «Телеметрия в норме. Отказ. Требуется подтверждение с базы на ввод препарата. Запросить? Да/Нет?» Изгаляется? «Да». «Запрос отправлен. Ждите...» И через минуту: «Время ожидания ответа истекло. Ответ не получен. Отказ в вводе препарата». СВОЛОЧИ!

Мысли идут по кругу. Надо себя занять, хоть чем-то, но занять! Топтаться на месте не выход. Пойду по следу первого трака. Глупо жутко, но съехать с катушек не хочу. Через три часика мне включают связь и найдут очень быстро. От следов колес, оставленных в лунном грунте, меня отделяет всего метров сто и маленький холмик. Выйду на «колею» и пойду. Принятое решение подействовало лучше любого успокоительного препарата. Даже начал напевать:

Зеленую весной под старую сосной
С любимую Ванюша прощается.
Кольчугою звенит и нежно говорит:
— Не плачь, не плачь,
Маруся-красавица...

И мне как-то все равно, что трак зовут не Маруся, да и плакать он не может по определению. Никто же не слышит, могу орать, что в голову взбредет. На вершине холмика задерживаюсь оглядеться. А когда решаю продолжить путь дальше, понимаю, что не могу! Мои ноги по шиколотку утонули в грунте. Что за на фиг?! Попытка освободить хоть одну ногу не приводит к успеху. Меня только еще больше затягивает в «песок». На Луне же нет зыбучих песков! Да и при такой силе тяжести должен выбраться без проблем. Но не получается! «Активация экстренной связи!» — «Вы уверены? Да/Нет?» — «Да!»

— База! Вызывает лейтенант Стрепетов. Внимание! Красный код! Повторяю. Красный код!

— Димыч, что происходит? — Саныч чуть ли не заикается от волнения.

— База, меня затягивает в лунный грунт. Уже по пояс!

— Переключаю на начальника станции!

— Докладывайте, лейтенант. В чем причина активации экстренного канала связи?! — Ого, всего полминуты прошло. Смоллов реагирует быстро. «Красный код» это не шутка. За его активацию без повода — мгновенное увольнение и «волчий» билет.

— Меня затягивает в грунт. Аналог зыбучих песков. Выбраться самостоятельно не могу.

— Лейтенант, без паники! Раскиньте руки и попытайтесь лечь на грунт всем телом. Увеличьте площадь, ослабив тем самым давление.

— Уже пробовал, не помогает. Погружение ускоряется, уже по грудь засосало!

— Оставайтесь на связи! Я посылаю запрос на Землю!

— Поздно, полковник. — Песок уже наполовину закрывает забрало. — Запишите последнее.

— Отставить панику! Держись, Стрепетов! Слышишь? Держись!

— Запись в протокол. Во всем виноват я сам, самовольно отлучившись с места аварии. Повторяю, в произошедшем виноват только я один!

— Стреп....

Песок скрывает скафандр полностью, связь обрывается, а мое сознание внезапно гаснет.

Легкая судорога пробегает по телу. Будто кто-то включает

рубильник, и я прихожу в себя. Не открывая глаз, понимаю, что лежу абсолютно голым на шершавом, теплом полу. Не связан и не обездвижен, сквозь веки различаю тусклый свет. Самое странное — это гравитация, по ощущениям примерно один жэ. Как такое может быть, я же на Луне? Или уже нет? Чуть-чуть приоткрываю веки.

Во-первых, я один, никого больше рядом нет. Во-вторых, нахожусь в сильно вытянутом помещении, скорее всего это широкий коридор. Стены, пол и потолок созданы из однотипного на вид материала голубовато-розового оттенка. Источник освещения с первого взгляда найти не получилось.

В пяти местах стены помещения имеют проемы, закрытые какой-то блекло светящейся субстанцией. Один проем в узкой части коридора и по два с боков. Где же я? Похоже дошутился про НЛО, аукнулся мне этот стиб.

— Есть кто живой? — И тут же поправляюсь: — Или неживой. Меня кто-нибудь слышит?

Ноль эффекта, даже эха нет. То, что я нахожусь в созданном не человеком месте, сомнений не вызывает. И не только гравитация «виновата», управлять которой земляне пока не научились. Просто то, что меня сейчас окружает, вызывает иррациональное отторжение и какую-то чуждость.

— Хозяева! Ау-у-у! Ваш гость проснулся! — Или не гость, а пленник? Ведь в гости обычно приглашают, и не так, как произошло. Больше и впрямь похоже на похищение. — Встречайте хлебом-солью.

Осторожно поднимаюсь на ноги. Самочувствие вроде в норме, ничего не болит, только ссадина на лбу немного чешется. Ловлю себя на том, что ладони стыдливо прикрывают пах. Инстинкты, приданные людям цивилизацией, действуют впереди мозгов. Толку от моих рук. Если уж меня лишили скафандра и белья, то сто процентов изучили и рассмотрели все, что хотели. Только где эти кто-то или что-то? Почему не отзываются? Почему не идут на контакт?

— Я пленник? Заключенный? Ответьте!

Тишина. Много раз представлял себе контакты с чужими, в детстве сильно увлекался фантастикой. Но то, что происходит сейчас, выходит за рамки фантазий. Может, меня до сих пор изучают? Тогда им достался не лучший экземпляр человеческого вида. Черт, надо же «держаться марку». Выпрямляю спину

и успокаиваю дрожь. Хорошо, что температура в помещении около двадцати четырех по Цельсию. Иначе замерз бы к черту. Да и пол вроде с подогревом или изначально теплее воздуха. Кстати, воздух! Я же спокойно им дышу! Очень напоминает тот, к которому привык на станции. Такой же «никакой», без запаха и «живости».

Ненароком меряю шагами свою условную клетку. Двадцать семь шагов вдоль и восемь поперек.

— Где я нахожусь? Вы захватили лейтенанта Космического флота Федерации. Это плохо для возможного дальнейшего контакта. Объяснитесь!

Наверное, никакой дальнейший контакт их не интересует, мои слова канули в пустоту. Поорал еще немного, потом попел песенки — никакой реакции. Думай, Стрепетов, думай! Чем может быть вызвано такое отношение к «пленнику»? Откидываю мысль, что им логика совсем чужда. Иначе вообще тупик. Думай: почему меня держат тут и не идут на контакт?! Может, это испытание? Как мышь в лабиринте? Возможно, проемы — это двери? Или вообще врата в другие миры? А что, фантазия у меня богатая, сейчас такого напридумываю!

С какого проема начать? Даже монетки нет, чтобы кинуть жребий. Начнем по часовой стрелке, с того места, где я очнулся. Может, начальная точка моего тут появления несет смысл? Если это лабиринт, то вполне возможно, что так. Страх пробегает по телу, холодя живот. Черт, мне хотя бы кусочек чего-нибудь, как-то жутко прикоснуться к свечению пелены без предварительного эксперимента. Попробовал отковырять кусочек от пола, потом от стены. Мимо — не получилось даже зацепиться ногтем за поверхность. Нигде не видно никаких стыков — ни трещин, ни швов. Помещение что, цельнолитое? Скорее всего, просто неизвестные технологии.

— Я иду в проем! Если что, в своей смерти виню захвативших меня!

На что я надеялся, произнося эту эскападу? Конечно, на ответ, которого не получил. Или на хоть какой-то намек... Но если он и был, то прошел незамеченным. Хм-м, какой палец не жалко, каким из них ткнуть в завесу? Что за глупости, все жалко! Но делать что-то надо, не сидеть же сиднем. Мизинцы, правый или левый, который из вас готов к жертве на благо хозяина? Чешу затылок — такой же атавизм, как и стыдливость

наготы. Стоп! Кажется, мизинчики, вы еще «поживете». Выдираю волос из шевелюры, которая успела немного отрасти после стрижки перед полетом. Больно, черт! Не густо, двухсантиметровый всего волосок, но «не до жиру». Тыкаю волосом в пелену, тот изгибается и не желает проходить за нее. Заперто или недостаточная жесткость для проникновения? Рано я обрадовался...

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze Warjag ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!¹

Вперед! И не пальцем, а всем телом! «Делай что должно! И будь что будет!» Ненавижу мучиться и ждать, лучше пусть решится все сразу. Мимолетное сопротивление завесы не задерживает и на долю секунды. Как сквозь легкую паутину прорвался. И едва останавливаю инерцию тела, чтобы не врезаться в стену.

Я в небольшой круглой комнате с бледно-желтыми стенами. Диаметр помещения метра четыре от силы. Резко оборачиваюсь, уф-ф-ф, проход на месте. Ощупываю стены и пол. Жаль до потолка не допрыгнуть: как и в коридоре, он на высоте метров четырех. Тот же уже знакомый материал, только цвет другой. И пусто, никакой мебели, приспособлений, техники — ни-че-го. Вспоминаю один из ужастиков, где каждый раз герои попадали в разные места, проходя в одну и ту же дверь. И места, в которые герои этого кино заскакивали, не всегда были безопасны...

Делаю шаг обратно, других же выходов нет. Повезло, мои страхи оказались беспочвенны. Тот же коридор. А тот же ли? Вроде освещение чуть другое, хотя в остальном совпадает. Опускаюсь на колени и начинаю искать. Примерно через пять минут в ладони лежит брошенный волосок. Коридор тот же, показалось из-за различия цвета стен в первой комнате.

---

¹ Дословный перевод с немецкого знаменитого марша «Варяг»:

На палубу, товарищи, все на палубу!
Наверх для последнего парада!
Гордый «Варяг» не сдастся,
Нам не нужна пощада!

Иду в пелену прохода напротив. План следовать по часовой стрелке забыть. Опять круглая комната аналогичного размера, только стены красноватые. Пустышка. Ан нет! Есть отличие. Из потолка по стене стекает какая-то жидкость прозрачная и без запаха. Видимо, сочится из каких-то мелких пор, трещин наверху не видно. Ручеек так же бесследно исчезает в полу, не образовывая и намека на лужицу, как в губку уходит. Прикоснуться к жидкости опасаясь. Вдруг яд или какая техжидкость, ну ее...

Синяя комната, за ней зеленая — все как сошли с одного конвейера, отличий нет. Только вот нигде больше не сочится влага по стенкам. Остался последний неисследованный проход в конце коридора. Буду надеяться, что там что-то иное, нежели то, что видел ранее.

Ну да, последняя комната сильно отличалась от предыдущих. Но ничего это мне не принесло. Овальной формы, даже скорее яйцевидной, помещение. Привычных цветных стен нет, точнее, есть, но это или что-то прозрачное как стекло, или сплошной бессегментный монитор во всю стену. За «окном» в безумном хороводе проносятся тысячи тысяч фиолетовых снежинок. Складывается ощущение, что то место, в котором я нахожусь, движется вперед с немыслимой скоростью. Может, и правда уже не Луна, а космический корабль иных?

Но никаких элементов управления не вижу, их просто нет.

— Можно попросить? — Чего мне стоит попробовать? — Отвезите меня обратно и верните скафандр. Мне за него отчитываться.

Может, тут управление, основанное на мысленных командах, и надо не орать и кричать, а сосредоточиться и упорядочить мысли? Где-то я читал про такие виды управления, в развлекательных книжках конечно, но вдруг? Надо оставить в голове одну мысль, одно желание. Тьфу, проще сказать, чем сделать. Меня учили йоге, не-э-э, неправильно. Если честно, то меня пытались учить йоге. А так как это было совсем скучно и неинтересно, то результат оказался плачевным. Но что-то в голову-то смогли мне вложить. Надо пробовать.

То ли тут и не «пахло» никаким мыслеуправлением, то ли я ничего не умею, но изменений не было. Целый час попыток

пропал даром. Хотя как «даром» — вскоре я понял, что это не самое худшее времяпрепровождение...

Несколько забегов по комнатам в поисках хоть чего-нибудь пропущенного при первом осмотре. Ноль, пустышка. Чего же от меня хотят? Зачем поймали и поместили сюда? Куда летит корабль, если я прав в своих предположениях и это действительно корабль? Спрашивал в разных интерпретациях, но тишина оставалась неизменным ответом.

«Подкатило» естественное. Я пытался сдерживаться как мог, но организм посылал все более настойчивые требования. Когда терпеть сил больше не оставалось, пробормотал:

— Хозяева или тот, кто меня слышит! У людей есть естественные потребности. Нашим организмам необходимо избавляться от отходов жизнедеятельности! Мне нужен туалет!

Внешне ничего не изменилось. Может, в какой-то из комнат появилось что-то похожее хотя бы на ночной горшок? Не могут же «они» проигнорировать подобный запрос! Как оказалось — могут... Впрочем, я сделал все, что мог, я предупреждал... В итоге желтая комната стала еще немного больше соответствовать своему цвету. Не дают горшок, превращу эту комнату в большой туалет. Хорошо пелена в проходах не пропускала запахи — маленькая, но радость.

Жутко клонило в сон. Когда я спал последний раз? Внутренние часы давно сбились, а тут не было ничего, чтобы хоть как-то указывало на время. Глаза слипались, нервное напряжение давало о себе знать. Надо поспать, заставить себя уснуть голым, на полу чужого корабля. Для себя решил называть это место кораблем. В качестве спальни выбрал зеленую комнату. Свернулся калачиком в центре и закрыл глаза. Пригодились самоприобретенные навыки засыпать где угодно и когда угодно, учебка и армия этому учат очень хорошо...

«Я» плыву в невесомости пустоты. Уверен — вокруг вакуум, но дышать «мне» не надо, «я» бестелесный. Рядом со мной плывет множество маленьких «фонариков». «Меня» тянет к ним, как мотылька на свет. Пытаюсь их поймать, дотянуться, схватить. Но у «меня» нет рук. Чем дольше гоняюсь за светильниками, тем сильнее желание поймать, сжать в «своей» несуществующей руке их огонек. Так продолжается долго-долго...

Из сна выкидывает резко. Черт, лучше бы не спал. Чувствую себя не отдохнувшим, а наоборот, будто трактор переехал меня своими гусеницами. Может, сон что-то означал? Но занимает сейчас совсем другая проблема. Бурчит живот, требуя еды. А главное, в горле сухо как в пустыне и очень хочется пить.

— Ау!!! Мне необходима вода. Аш два О. Или что-то подобное. Вода необходима. Без нее я умру. Прекращу функционировать. — Как подобрать слова, не зная, к кому обращаешься? — Умру — значит меня не станет как живого организма. Не станет навсегда! И еще мне надо есть. Еда обеспечивает меня энергией для жизнедеятельности.

Сколько человек может продержаться без еды? Недели две, от силы месяц. А без воды? Три дня — вот максимум, мне ответственный, потому что запрос остался неудовлетворенным. Не материализовались нигде тарелки с едой, не выдвинулась скрытая панель со стаканом воды.

Наверное, меня просто не понимают. Не могут же специально морить голодом и жаждой? Не верю в пришельцев-садистов, точнее, это-то представить могу, но вот пытки жаждой и голодом в исполнении чужих — это за рамками разумного. Может, «они» меня кормят как-то по-своему? Может, «они» питаются энергией, и меня сейчас облучают, не понимая, что мне надо иное? Черт! Пи-ить! Как хочется пить! Может, корабль летит куда-то, и там меня обеспечат всем необходимым? Это единственная зацепка для сознания. Надо держаться!

Жажда вытягивает силы похлеще любой физической нагрузки. Надо больше спать — чем дольше сплю, тем меньше организм потеет и потребляет жидкости. Мысли все чаще путаются и становятся бессвязными. Спать!

«Я» опять там же, где и в прошлом сне. «Летаю» за «фонариками». Только они теперь больше напоминают светящиеся шары разного диаметра. А вот желание их поймать стало уже навязчивой идеей. Оно заполняет меня полностью. Как чувство жажды в реальности, подменяя ее. Поймать!!! Но «фонарики» ускользают, «я» как тот осел с привязанным шестом, все тянусь за «морковкой». Долго-долго тянусь и так же безуспешно.

— Воды! Дайте попить! Я умираю, вы что, не понимаете?!! — именно с таким криком я просыпаюсь.

Мне уже все равно, что я на корабле чужих. Это ушло на задний план. Одна мысль пульсирует в голове: «Воды!» Найти воду! Долго смотрю на текущую по стене красной комнаты влагу. Нет! Бороться и ждать! Не могут же меня убить! Это нелогично! Но что я знаю об «их» логике, есть ли она вообще? Может, «они» мыслят совсем иначе, настолько по-другому, что привычные человеческие мерки не подходят совсем. Отгоняю эти мысли, хватаясь как за соломинку за фантазию: будто меня везут туда, где все будет. Сон, спасительный сон...

«Я» наконец-то поймал «фонарик»! Он лучится, переливаясь всеми цветами видимого спектра. Любуюсь им, в нем есть какая-то загадка. Всматриваюсь, «щупаю», ничего не могу даже определить, какой он с точки зрения кинестетики. «Я» сейчас лишен тактильных ощущений. «Мне» кажется, «фонарик» что-то шепчет. Как «фонарик» может шептать? Не знаю, но «я» вот-вот пойму его! Язык наполняет влага. Приятно. По горлу пробегает струйка воды. «Я» лижу «фонарик», кажется, он как мороженое, безвкусное, зато тает и дает воду. Пи-и-ить!!! Хочу затолкать весь светящийся шарик в «рот», но не выходит, и остается только облизывать шероховатую поверхность. Шероховатую?

Черт! Я и правда остервенело лижу, но не «шарик», а стену красной комнаты — в том месте, где по ней бежит струйка воды. Тело обмануло разум. Но надо признать, сейчас мне стало значительно легче. Может, эта «вода» и есть отрава, и я скоро умру. Но пусть от яда, чем безумцем, шепчущем одно слово. Бесцельно брожу по кораблю, в голове нет ни мыслей, ни желаний. Я превращаюсь в сомнамбулу. Два или три раза засыпаю, но проваливаюсь в черноту сна без сновидений... Сколько так продолжается — не знаю: сутки, двое, неделю или месяц? Время уже не имеет никакого значения.

Чем больше проходит времени, тем мне все хуже и хуже. Виновата ли в этом жидкость, которую я периодически прихожу слизывать со стен, или недостаток еды и сил? Не знаю. Затуманенным сознанием понимаю только одно — осталось жить недолго. Уже давно ничего у «них» не прошу. Ушли ненависть за пытки и страх перед смертью. Закончились мои кри-

ки с требованиями, отчаяние и угрозы. Хочется только одного — чтобы все уже закончилось...

«Я» за рулем большой фуры. Водитель-дальнобойщик. Грузовик-рефрижератор, которым «я» управляю, мчится по пустынной ночной трассе. В руках у «меня» рация. И «я» как механизм постоянно повторяю: «База! База, ответьте!» В ответ лишь шипение помех. «База, база, ответьте!» И так по бесконечному циклу...

Пока очередной приступ жажды не заставляет проснуться и идти в красную комнату. Не осталось ничего, кроме ожидания, боли и снов. В одних я ловлю светлячков и, поймав, «разговариваю» с ними. Но проснувшись, не помню, о чем был разговор. В других я опять за рулем фуры, остервенело вызываю какую-то базу. Один сон необычен, даже на фоне странных остальных.

«Первый-Я» веду уже привычный грузовик и все так же механически жму кнопку приема на рации. «Второй-Я» сидит рядом и спрашивает:

— Мы уже на месте? Тут ничего нет.

— База так и не ответила.

— И, видимо, не ответит. Ее нет там, где мы помним, что она должна быть.

— Тогда направимся на запасную.

— До нее далеко, а груз вот-вот придет в негодность.

— Мы должны сохранить груз. Его потеря неприемлема с моральной точки зрения.

— Неприемлема, согласен. Но не сама потеря, а его утрата в месте нашей ответственности.

— Поправку принимаю. Но развернуться обратно мы не можем, груз все равно испортится за время обратного пути.

— Здесь неподалеку отмечен... — На коленях «Второго-Я» появляется атлас. — Проект «Ковчег».

— Там можно найти приемлемые условия для функционирования груза.

— Но там мы не сможем гарантировать его сохранность.

— Не можем, но он перейдет под чужую ответственность.

Мы только подготовим его к существованию в незнакомой среде.

— И груз станет не нашей проблемой. Я согласен.

— Я тоже. Закладываю новый маршрут.

И опять сны о светлячках. Мне уже не надо их ловить, они сами водят свои хороводы вокруг меня. И что-то поют, все время поют. Иногда кажется, что, даже когда не сплю, слышу их пение и перед глазами мелькают их цветные переливы. Голова пухнет и грозит взорваться. Одно хорошо — чувство голода куда-то пропало. Я читал, что после определенного времени голодовки желание есть уходит. Так оно и есть.

Легкая судорога мне уже неуловимо знакома. Такая же привела меня в себя после потери сознания на Луне. Собираю последние силы в кулак и иду в «стеклянную» комнату. Пройдя за завесу, восторженно замираю. Исчезли летящие навстречу снежинки. Невзирая на, казалось, полную опустошенность, я не утратил возможности удивляться. Корабль висит в открытом космосе. Вокруг невероятное количество звезд. Подобной фантазмагорической картины не увидишь с Земли. Звезды повсюду, их свечение невозможно яркое, и они повсюду, везде. Плотное шаровое скопление! Наверное, оно так и выглядит «изнутри», когда на каждый кубический парсек приходится десятки, а то и сотни звезд.

Я ошибся, корабль не висит, он движется. Летит к какой-то планете. И чем ближе мы подлетаем, тем больше она напоминает родную Землю. Только вот есть в ней что-то неуловимо неправильное. И чем она ближе, тем четче это ощущение.

Корабль идет на посадку, и приходит понимание. Это не планета, а малый планетоид¹ радиусом не больше двух сотен километров. Но он имеет плотную атмосферу, не менее одной сотой своего радиуса! Как это возможно? Не знаю, но это есть! И я это вижу.

Мягко, без единого толчка замирает корабль на ровной поверхности космопорта. А ничем иным то, что я вижу, быть не может. Круговая площадка занимает около четырех гектаров, ее охватывает полукруг двухэтажного здания странной архитектуры. Кажется, что это замершая волна, которая вот-вот накроет посадочную площадку. Больше разглядеть ничего не успеваю. На долю секунды темнота накрывает меня.

Я лежу на мокром бетоне или на чем-то очень похожем. Идет прохладный ночной дождь. Пересохшими губами жадно ловлю летящие капли. Чужой корабль взлетает, позволяя себя

---

¹ В данном случае имеется в виду малое тело Солнечной системы.

рассмотреть. Вот черт, не врут сказочники! Натуральная летающая тарелка возносится в ночное небо. Нет ни рева двигателей, ни всполохов тяги. То, что его приводит в движение, незаметно и тихо. И куда ты меня привез, корабль-садист?

ГЛАВА 2

Какое необычное тут небо. Даже ночь и та условна — вполне можно читать газету при свете таких близких звезд, если бы у меня, конечно, была эта газета. Надо подняться. Переворачиваюсь на живот и упираюсь взглядом прямо в тяжелые сапоги перед моим носом.

— Лим, ты смотри! Кого это нам подбросили?

Говорящего можно было принять за робота или киборга. Если бы не непокрытая голова. Все остальное тело заковано в броню. И не в средневековую, а явно в высокотехнологичный доспех. Матовый пластик его ломаных линий топит в себе отблеск далеких солнц. На бедрах две кобуры с очень характерными рукоятками, такие удобно держать, чтобы стрелять в кого-то. Вряд ли оружие пороховое, нет характерных деталей, присущих пулевым пистолетам. Но подробнее не разглядеть. Попытка подняться на ноги тут же пресекается. Второй, тот, кого назвали Лимом, опускает мне на спину свой ботинок, буквально вминая меня в царапающее покрытие посадочной площадки.

— Бид, и правда это что-то новенькое. Ни разу не видел, чтобы вот так выкидывали с кораблей. Голым да на «бетон».

Говорят явно не на одном из языков Земли, но понимаю все прекрасно. Если надо, смогу даже внятно ответить. Знание дал корабль?

— За что тебя сбросили сюда? А, голыш?

— Не знаю. — Громче шепота ничего не получается, горло отвыкло и саднит от сухости.

— Это неправильный ответ, голыш! — Бид хлестко бьет мне по ключице деревянной дубинкой.

Сильно не вяжется этот примитивный способ воздействия с технологией космических перелетов и брони, которая явно опережает земную не на одно столетие. Но мне не до этого, боль молнией пробегает по телу.

— Ты сломал мне ключицу! Ты что творишь, придурок! — Из глаз градом катятся слезы.

— Лим, я не ослышался? Как он меня назвал?

— Придурком, Бид, придурком! — Второй хохочет во все горло.

— Забыл, что такое боль, задохлик? Так я напомним!

Он умеет бить, каждый удар ломает какую-либо косточку в моем теле. А я так ослаб, что не могу сопротивляться. Остается только кричать и выть от боли, захлебываясь слезами. Хрустят пальцы на левой руке, безжалостно раздавленные бронированным сапогом.

— А-а-а-а-а-а!!! Скотина!

— Лим, ты гляди, он не понимает уроков.

Тяжелый удар сзади заставляет забыть о сломанных костях. Боль в паху настолько резкая и всеобъемлющая, что накрывает как цунами. Когда эта волна доходит до головы, спасительное беспмятство укрывает меня. Но не надолго. Что-то льется на лицо, возвращая в реальный мир боли. Злость придает сил: они не поливают меня водой — они мочатся мне прямо на глаза!

— Упфутки! — «Ублюдки» мне уже не выговорить, половина зубов отсутствуют, а губы напоминают две чрезмерно надутые и от этого потрескавшиеся шины.

— Упорный. — Нет, я не упорный, ты ошибаешься. — Извиняться будешь? — Если бы это что-то изменило, я бы в ногах валялся и целовал твои ботинки, Бид. Но я уже мертв, уж это понять могу даже в таком состоянии. Как говорится, травмы, не совместимые с дальнейшей жизнедеятельностью. Несколько ребер сломаны, и одно явно проткнуло легкое — харкаю кровью. Еще пара-тройка минут, и этот ад закончится.

— Возвращайтесь туда, откуда родились! Скоты! — Мне показалось, что удалось произнести это четко.

— Он мне нравится, Бид. А ну-ка, разожми ему рот.

Рука в холодной перчатке сдавливает челюсть, заставляя раскрыть губы. Какая-то чрезмерно сладкая жидкость насильно заливается в меня. Потом меня бросают, оставляя в покое. Все тело начинает безумно чесаться, даже внутри рта.

— Бид, ты не против, если я возьму его себе? Брату на ферме не хватает рук, и холоп ему будет не лишним.

— Он же совсем задохлик, одна кожа да кости!

— Ничего, откормит его Тук. Судя по сложению, раньше он был довольно крепким.

О чем они? Я же умираю! С такими повреждениями не живут.

— Эй, голыш, вставай, дай тебя рассмотреть! — Бид недвусмысленно поигрывает дубинкой.

— Как я это сделаю? Твой дружок сломал мне ноги! — Ого, мой ответ получился связным.

Что происходит? Губы зажали и зубы на месте, да и в теле больше нет боли. С недоумением шевелю пальцами недавно расплющенной руки. Это была какая-то иллюзия? Но в ладонь впивается что-то острое — осколок моего недавно выбитого зуба! Ничего не понимаю!

— Ты откуда свалился на наши головы, задохлик? В тебя влили полную капсулу ивира. Вставай, не морочь нам головы. — Ивир — это то, чем меня опоили? И этот напиток сделал меня вновь здоровым, залечив все переломы, и даже вырастил новые зубы? Это же невозможно!

— Сейчас. — С недоверием поднимаюсь на недавно сломанные ноги. Они меня держат! И грудь не болит, будто и не было пробивших легкое ребер.

— Как тебя зовут, голыш?

— Меня зовут... — Но договорить не успеваю, удар кулаком разбивает губы и сбивает с ног. На этот раз бьют гуманно, ничего не сломано, только чуть кровоточит.

— Опять неправильный ответ. — Он издевается! И это, видимо, приносит ему радость. — Тебя зовут так, как скажу я, и никак иначе! Понял?! — Дубинка в руках Биды описывает круги.

— Что?! — Ярость затуманивает разум, никому не позволено так со мной обращаться!

Мне долго вбивали науку рукопашного боя. И хотя мне это не нравилось, отец все равно заставлял заниматься. Что-то со временем затерлось в сознании, но, видно, некоторые навыки получилось в меня вбить. «Хвост дракона» — перекатом из нижней стойки, подсекая обидчику ногу. Бам! А-А-А! Как по скале ударил! Бид даже не шелохнулся, а я же вложил в удар все силы! Не прост его костюмчик, ой как не прост.

— Хватит игр, Бид! — В мою грудь направлено дуло извлеченного из левой кобуры оружия Лима. — Говори, как хочешь его назвать.